

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛАССИЧЕСКИЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Истерия¹

Ж. Шаффер

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Жаклин Шаффер – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987).

Согласно Жаклин Шаффер, истерия не может быть понята и истолкована без учета теории либидо. Кроме того, невозможно говорить о конверсионном симптоме или истерии без обращения к теории психопатологии, позволяющей осмыслить материал наблюдения. Нельзя также удовлетвориться одним лишь клиническим описанием.

Начиная с Фрейда мадам Шаффер разрабатывает личную для нее теорию либидо для объяснения истерии и выстраивания женского. По мнению мадам Жаклин Шаффер, именно конверсионная истерия «лежит в основе открытия психоанализа как метода психопатологического понимания и лечения».

Ключевые слова: истерия, теория либидо, истерическая идентификация, проективная идентификация, разница полов, фаллические защиты, мазохизм.

¹ Текст семинаров Жаклин Шаффер: «Что такое истерия?», «Конверсионная истерия», «Истерические отношения», «Истерия и женское». Париж – Москва, 2022.

Часть первая Что такое истерия?

Для исследования темы истерии и истерической личности я использую женский род, для того чтобы подчеркнуть, что речь идет о женском, но не о женщине, истерия может проявляться как у женщины, так и у мужчины. Я хочу подчеркнуть, что истерия является одной из составляющих женственности, но она также представляет собой проблематику отказа от женского у обоих полов.

В разговорной речи истерию называют «нервным приступом» или «сценой», которая состоит из взрыва эмоций, криков, возбуждения и волнения, агрессивных движений, то есть речь идет об эмоциональной буре, которая часто заканчивается потоком слез.

Под истерией мы также понимаем определенный тип личности и способ выстраивания отношений с другим, которые проявляются в особой драматизации, преувеличенных проявлениях чувств, тревоге, образном языке с тенденциями к преувеличению, постоянной эротизации, соблазнении и ревности.

Именно поэтому подобный тип личности гораздо чаще встречается среди женщин, и в разговорной речи прилагательное «истерический» имеет скорее пренебрежительный оттенок, когда оно применяется по отношению к женскому, которое воспринимается как что-то чрезмерное, несдержанное, склонное к крайностям, плохо организованное, управляемое сексуальным и эмоциональным. Также важно помнить, что слово «истерия» имеет греческие корни и обозначает матку.

А теперь поговорим об истерическом неврозе, который Фрейд исследовал, используя психоаналитический метод. Невроз проявляется в виде разнообразных симптомов, которые главным образом представляют собой инверсию аффектов. Например, у Доры, пациентки Фрейда, сексуальное возбуждение ощущалось не как желание, а как отвращение. Отвращение – это истерическое смещение генитального сексуального конфликта на оральную зону. Также истерические симптомы могут проявляться в виде анорексии или булимии. В истерии акцент ставится на понятии конфликта, сексуального конфликта, симптом представляет собой символическое выражение конфликта.

Истерия и либидо

Истерию невозможно понять без привязки к теории либидо. Одно клинического описания недостаточно. Когнитивные и поведенческие теории переполнены истерией. Я также хотела бы сказать, что те теории объектных отношений, в которых не рассматриваются теории влечений, также являются недостаточно полными для того, чтобы понять суть истерии.

Теория Фрейда, к которой мы обращаемся, особенно во Франции, – это теория влечений, либидо и конфликта между влечениями и защитами Я. Влечение проделывает определенный путь: от телесного источника,

принимającego неизбежное внутреннее возбуждение, до реализации цели в виде поиска удовлетворения; пройдя этот путь, возбуждение «психизируется» и становится влечением. Если возбуждению не удастся превратиться во влечение или если влечение «деградирует», превращаясь в возбуждение, мы будем иметь дело с появлением психосоматических расстройств.

Истерия расположена наиболее близко к тому опыту, который мы получаем через сексуальные влечения, наиболее значимые характеристики которых следующие: внутреннее воздействие или атака, одновременно взламывающий и питающий характер, постоянный напор и недостижимость полного удовлетворения, согласно Фрейду.

Истерия – это состояние постоянного восприятия напора сексуальных влечений и того яростного и страстного воздействия, которое они оказывают на Я и интроецированные объекты. Истерия – это попытка выстроить неустойчивую хрупкую организацию на линии водораздела, которая может разрушиться или оказаться в состоянии кризиса.

Истерия воплощает собой появление и проявление аффекта, процесс структурирования человеческой сексуальности, потрясение от опыта, который переживает психика под воздействием постоянного напора влечений, первосцену, разницу полов и появление женского.

Появление истерического расстройства свидетельствует о том, что путь трансформации возбуждения в либидо потерпел неудачу. Речь идет об особой чувствительности по отношению к эмоциональным потрясениям, которые являются признаком прохождения через кризисный этап, будь то рождение, пубертат, любовные отношения, старение и многие другие значимые изменения в жизни, которые вызывают тревогу.

Истерия – это болезнь с приступами, истерическими припадками. Впрочем, любое движение в сторону развития несет в себе риски, поскольку нарушает привычное равновесие. Можем ли мы в полном объеме рассмотреть такой нестабильный и непостоянный феномен, как истерия, опираясь только лишь на научные позитивистские теории?²

Истерия находится в самой сердцевине возникновения эротического, в сердцевине эдипальной организации и вытеснения. Истерия – базовая модель невротической организации. Человеческая сексуальность, как описывают ее два выдающихся французских психоаналитика, является истерической структурой. Кроме того, истерия располагается в самой сердцевине женского.

Истерия и тревога

Сигналом появления в Я постоянного напора сексуальных влечений является возникновение тревоги. «Я больше не хозяин в своем доме», – говорит Фрейд. Захваченное либидо, Я ощущает этот напор как «внутреннее

² Позитивизм – направление в науке, определяющее единственным источником знания эмпирические исследования и отрицающие ценность философского исследования.

незнакомое тело». С самого начала жизни Я вынуждено иметь дело с тревогой, у него нет выбора: либидо, которое вторгается и взламывает Я, одновременно является источником, питающим его.

Напор влечений является постоянным и требует от Я необходимость проделывать «работу», как говорил Фрейд. Благодаря этой работе Я отделяется от Оно, возбуждение становится влечением, животная сексуальность, которая зависит от периодов течки и спаривания, трансформируется в отличающую человека от животного психосексуальность с непрерывным, а не периодическим напором влечений.

В истерии осуществляется развитие тревоги без сигнала, который производит положительный эффект – останавливает приступ. Таким образом, при истерии мы имеем дело с избытком тревоги. Когда на своем пути от телесного источника к цели влечения встречаются с внутренним и внешним подавлением, препятствиями, не позволяющими либидинальным влечениям развиваться или проявиться, в этот момент появляются «приступы». В отличие от соматических проявлений, «приступы» представляют собой симптом застоя либидо.

Речь идет о переполнении Я настолько большим количеством либидо и аффектов, что психические репрезентации не могут быть проработаны только лишь за счет психической работы, но они (репрезентации) пытаются найти способ переработки через отношения с другим или через тело в виде конверсионного симптома. В данном случае речь идет об эротизированном, «психизированном» теле, а не о тебе соматическом. В этом мы видим различие между конверсионным и соматическим симптомом, который представляет собой неспособность к психической переработке (или психическую непроработку).

Истерия и вытеснение

У истерика постоянно увеличивается уровень возбуждения, он играет с тревогой, драматизирует все вокруг, что приводит к повышению возбуждения не только у него, но и у его окружения.

Возбуждение повышается, им уже невозможно управлять, как раньше, с помощью игр в отношениях, игр с тревогой, через идентификации и истерические симптомы, в этот момент на сцену выходят телесные симптомы.

В истерических приступах интроекция влечений меняет направление в сторону инкорпорации возбуждения, которое проявляется в выстраивании (иннервации) эротического тела. В конверсионном симптоме участвует процесс подавления: подавленный аффект проявляется в виде «прекрасного безразличия», Я ведет себя так, как будто симптом не является частью собственной психики. Если субъект не находит доступа к сексуальному удовольствию или к достаточно хорошей и связывающей активности репрезентаций, возникает приступ.

Вытеснение у истерика «неисправно», функционирует недостаточно хорошо, вытесняется слишком много, поскольку вытеснение работает плохо. Вытеснение находится в состоянии перманентной опасности и угрозы, есть риски прекращения действия вытеснения.

Истерия и идентификации

К особым характеристикам истерии относятся изменчивость, неустойчивость идентификаций. Идентификация – это бессознательный процесс Я, «способ мышления», по словам Фрейда. У истерической личности, которая функционирует под защитой вытеснения, способ мышления проявляется в виде сексуальной идентичности и отношений с сексуальным объектом.

Что касается «идентификации с объектом ненависти», Фрейд уточняет: «это законченный механизм формирования истерического симптома». Истеричка хочет быть как другой – желанный или ненавидимый. Таким образом, истерическая личность идентифицируется «против» – речь идет о контридентификации.

Фрейд приписывает подобные симптомы только девочке (в то время враждебная позиция мальчика по отношению к своей матери полностью отрицалась, мальчика и мать соединяла только нежность). С помощью этой контридентификации девочка враждебно заменяет свою мать для того, чтобы реализовать в фантазмах инцест с отцом. Случай Доры представляет собой иллюстрацию подобного процесса.

Речь идет о парадоксальной идентификации: вместо того чтобы реализовать цель – «десексуализировать» отношения с инцестуозными объектами и изъять из них сексуальное либидинальное инвестирование, превратив объектные влечения во влечения Я, нарциссическое либидо, – идентификация используется как «сексуальный театр» для того, чтобы поддерживать эротические отношения и избежать горя, связанного с потерей первичных объектов.

В данном случае речь идет об интрапсихическом процессе, который не сохраняется надолго, поскольку это не истинный процесс интроекции, который ведет к появлению независимости и отказу от (запретных) отношений с внешним объектом. Ввиду нестабильности этой идентификации необходимы дополнительные процессы – проекция конфликта на внешний объект или на внутренний объект, который постоянно экстерииоризируется (выносится вовне). Это превращается в бесконечный цикл.

Истерическая идентификация образуется за счет желания по отношению к другому, ненавидимой и вызывающей зависть сопернице, и поскольку это желание неутолимо, можно лишиться себя этого желания. Желать быть другим – значит одновременно желать этого другого устранить. Агрессивная составляющая контридентификации проявляется в виде эротизации, которая остается неудовлетворенной, в виде «желания неудовлетворенного желания». Нужно также, чтобы другой обладал тем, что вызывает зависть, для того чтобы можно было с ним идентифицироваться.

Я назвала статью об этом «Рубин, который боится красного», поскольку красный цвет – это цвет рубина, цвет, который этот драгоценный камень одновременно отбрасывает и выставляет напоказ, поскольку он поглощает все другие цвета спектра. Через эту метафору я хочу показать парадоксальный способ истерических защит Я, искаженных либидо. Суть защиты – выставить вперед, напоказ для того, чтобы защититься, самое угрожающее и самое подвергаемое опасности – сексуальное.

Истерическая идентификация – контридентификация – поддерживает инвестирование объекта, но это также идентификация «против».

Как в метафоре рубина, истерическая личность вытесняет невыносимое сексуальное через контринвестирование ненавистного, то есть через идентификацию с соперницей, но против нее. Фрейд использует термин «заимствование», описывая этот особый вид унарной идентификации. Это то, что образуется за счет соединения. Этим можно объяснить, например, «заразность» симптомов в женских монастырях и пансионатов для девочек.

Истеричка «потребляет» партнеров в больших количествах, поскольку через них она вытесняет свою инфантильную сексуальность, которая постоянно стремится вернуться обратно в сознание.

Истерическая идентификация и проективная идентификация

Истерическая идентификация – это бессознательный внутриспсихический процесс, который остается включенным в границы Я и аутоэротические игры субъекта. Другой используется для того, чтобы влечения могли проявиться и выразиться, и для контринвестирования. Реальный партнер может даже не знать, что у него было одолжено. Его отдельность, инаковость не ставится под вопрос.

Истерическая идентификация отличается от описанной Мелани Кляйн проективной идентификации. В данном случае речь идет о межличностном, а не внутриличностном процессе, где другой используется не как актер в театре, где на сцене играют влечения. В проективной идентификации мы имеем дело с контролем, проекциями, которые выбрасываются наружу, со смещением Я и объекта и отсутствием дифференциации. Партнер может чувствовать в реальности, на уровне внутренних ощущений, что он захвачен субъектом, что его контролируют, но объект может и отрицать или отказываться воспринимать эти ощущения. Объект чувствует, что его используют, им манипулируют, как будто он является частичным объектом, его инаковость и отдельность не признаются.

Истеричка может использовать два этих вида идентификации. Нормальная истерическая идентификация, если можно так сказать, должна привести к независимости через интроекцию внешнего объекта. В случае неудачи субъект «переходит к действию» либо в виде телесного симптома, либо в виде поведения, добиваясь нужного ответа от объекта, используя истерическую проекцию.

Истерическая проекция

Проективная идентификация – это прежде всего проекция. Очень важно отличать ее от истерической проекции.

Для того чтобы сделать различие между этими двумя видами проекций, я отмечу, что проективная идентификация стремится проецировать и выбрасывать в другого одну из частей конфликта для того, чтобы избавиться от конфликта, поскольку невозможно переработать амбивалентность влечений. В то время как истерическая проекция стремится спроецировать на другого (не в него) весь конфликт, даже скорее место конфликта и границы конфликта, точку входа в него с целью его переработки.

Истерическая проекция представляет собой промежуточное звено между невротической проекцией, описанной Фрейдом, в которой незнакомые и отрицаемые аффекты и репрезентации выбрасываются наружу, и проективной идентификацией, описанной Мелани Кляйн. Развитие теории Мелани Кляйн в работах посткляйнианцев, в особенности У. Биона, привело к введению понятия нормальной структурирующей проективной идентификации, находящейся во взаимодействии с материнской «реври», напоминающей то, что я называю истерической проекцией.

У истерички цикл проекция – интроекция является бесконечным: проекция через драматизацию и соблазнение и частичная интроекция через истерическую идентификацию. Кажется, что этот нескончаемый цикл ставит под вопрос противопоставление внутриспсихического и межличностного, поскольку из-за нестабильности истерической конструкции всегда есть риск перехода от использования проекции и истерической идентификации к проективной идентификации, описанной Мелани Кляйн.

Поиск репрезентаций

Суть другой гипотезы – истеричка заимствует либидо у объекта, которому завидует и которого ненавидит, не только из-за потребности в контринвестировании, потребности со стороны либидо и защитных механизмов, но в большей степени ради потребности в репрезентациях.

Действительно, постоянно действующее вытеснение поддерживает разделение аффекта и репрезентации, а также разделение репрезентации вещи и репрезентации слова.

Использование внешнего объекта представляет собой пример неудачи со стороны вытеснения, поскольку истеричке необходимо постоянно вытеснять недостаточно видоизмененные влечения, эти процессы требуют большого расхода энергии, количество преобладает над качеством, поэтому страдают репрезентативная активность – способность создавать цепи связанных между собой репрезентаций – и функционирование предсознательного.

Истеричка ждет, что объект восполнит ее дефицит, создаст для нее «оболочку» или «контейнер», в котором переполняющие ее аффекты обретут форму в виде репрезентаций. Она ждет, что другой ее наполнит, подарит

ей репрезентации слов, которые будут способны соединиться со слишком сгущенными (сконденсированными) репрезентациями вещей.

Истеричка находится в перманентном состоянии репрезентативной активности. Но на кого направлена эта активность? Ее сексуальные и аффективные потребности – это на самом деле поиск «обретения формы репрезентации».

Поэтому истерическая личность каждый раз оказывается настолько разочарованной, когда объект на ее поиск репрезентаций дает ответ в виде эмоций или сексуального желания, поскольку она ощущает, что объект не услышал и не понял ее на уровне ее предсознательного. «Если ты меня любишь, это значит, что ты не испытываешь ко мне желания. Если ты испытываешь ко мне желание, значит, ты меня не любишь». Истеричка постоянно вызывает у другого «смещение языков» нежности и страсти, о котором говорил Ференци, поэтому ее потребность никогда не может быть удовлетворена, она испытывает «желание неудовлетворенного желания». И снова запускается привычный цикл...

Можем ли мы предположить, что мать истерички не смогла обеспечить достаточно хороший переход от слишком сексуализированных первичных телесных отношений к вербальным отношениям? Возможно, имело место раннее «смещение языков», ненависть по отношению к слишком сексуализированной матери?

Поскольку истеричка находится в постоянном поиске репрезентаций, она одалживает у других «готовые» сценарии мужских фантазмов о женственности: фаллический монизм, кастрированная женщина, потеря любви как эквивалент кастрации, мужчина как приложение к пенису и другие.

Часть вторая **Конверсионная истерия**

Это наиболее ярко проявленная форма истерии, с истерическими припадками и приступами, с конвульсиями и всевозможными сопровождающими симптомами: параличом, судорогами, истерической дугой, нарушением зрения, потерей чувствительности, болями и т. д.

Хочется отметить тот факт, что невозможно найти никакое органическое поражение, лежащее в основе формирования телесных симптомов, которые зачастую могут быть очень серьезными, симптомы могут исчезнуть, не оставив никаких следов, таким же таинственным способом, с помощью которого они в свое время появились. Феномен истерической конверсии – это проявление возбуждения в форме симптома, бросающее вызов медицинской науке. Эти возбуждение, вызов и соблазнение проявляются у истерических личностей в виде процессов смещения и подавления.

Язык тела реализуется за счет трансформации возбуждения, разыгрывания через тело сексуального конфликта, фантазматический сценарий которого полностью скрыт в бессознательном.

Либи́до наделено способностью превращаться в энергию возбуждения.

Таким образом, эротическое тело обращается с этой энергией, используя свои способности к первичной (или примитивной) символизации, где репрезентации вещей еще не связаны с репрезентациями слов на уровне предсознательного.

Несовместимая (с образом себя) и невыносимая психическая репрезентация вытесняется в бессознательное, но в тот момент, когда она исчезает из сознания, психики, она меняет форму и вписывается в тело.

Этот скачок от психического к телесному обладает загадочным характером.

Истерическая конверсия может быть определена как результат потребности в психической переработке, суть которой – трансформация возбуждения в психический материал.

Но этот путь трансформации наполнен препятствиями в виде фантазмов, инфантильных инцестуозных аффектов, запретной агрессии, которые приводят к обратимой регрессии на уровень телесной фиксации.

Заточение

В Сальпетриере, одной из самых больших французских психиатрических больниц, множество женщин находились в заточении, от трех тысяч в XVII веке до более четырех в XIX.

Эти женщины, которые вызывали отторжение и страх, были не только заперты в стенах больницы, но и закованы в цепи и кандалы.

Известный французский психиатр Филипп Пинель освободил этих пациенток, сняв с них цепи.

Другой психиатр, Жан-Мартэн Шарко, создал в 1862 году клиническую кафедру нервных заболеваний, его величайшая заслуга – отделение истерии от эпилепсии, а также других психических расстройств.

Истерия из-за своей загадочной природы, ускользающей от контроля, всегда вызывала у людей тревогу и наводила на мысли о злых силах и проклятии. Многие «одержимые» и «ведьмы» из прошлого, которые были сожжены на кострах, сейчас бы были признаны истеричками.

Фрейд в то время, когда он проходил стажировку в клинике Сальпетриер у Шарко, также практиковал гипноз.

Он был поражен «прекрасным безразличием» (он так назвал этот феномен), которое демонстрировали истерички по отношению к своим страданиям.

Сначала он подозревал, что в истерических симптомах скрыт секрет – травма сексуального соблазнения, которое на самом деле произошло в истории детства пациенток.

Затем Фрейд открывает, что «истерички страдают от воспоминаний», то есть травматическое событие вытесняется и хранится в бессознательном, травма не является частью воспоминаний и может проявляться только в виде конверсии – телесной памяти.

Таким образом, речь идет о том, чтобы высвободить травматическое событие и преодолеть силу напряжения, которое удерживает воспоминания в бессознательном и не дает им выйти на поверхность, то есть справиться с сопротивлением. Для того чтобы достичь этой цели, Фрейд давил на лоб своих пациентов.

Открытие психоанализа

Конверсионная истерия лежит в основе открытия психоанализа как представления о психопатологии и методе лечения.

Однажды Фрейд положил ладонь на лоб одной из своих пациенток Эмми фон Р. и надавил, чтобы вызвать воспоминание. Эмми отреагировала на эти действия словами: «Не двигайтесь! Не говорите ничего! Не трогайте меня!»

Таким образом эта пациентка стала изобретательницей тех правил лечения, которые мы сейчас называем «кадром»: устранить сенсорно-двигательную активность и слушать свободные ассоциации пациента.

Она также установила запрет на прикосновение в терапевтических отношениях, защиту от физического насилия и сексуального соблазнения.

Этот запрет также обозначает запреты эдипального конфликта, речь идет о разнице полов и поколений.

Эдипальный двойной запрет на инцест и отцеубийство является фундаментом культуры и организации человеческого общества в любое время и во всех местах.

Открытие инфантильной сексуальности и фантазма

Фрейд услышал просьбу своей пациентки.

Вместо того чтобы на пациентку смотреть, возбуждать их эксгибиционизм и их трогать, Фрейд предложил другой опыт – он слушал и слышал этих женщин, помогал превратить в репрезентации их бессознательные фантазмы, проявленные на телесном уровне. Фрейд постарался положить конец векам лечения истерических пациенток как лечения тела и телесных симптомов. В какой-то мере истерички желали получить этот опыт манипуляций с телом, но он не помогал им превратиться в субъекта – главную героиню своей истории.

Из-за смерти отца в 1896 году в душе Фрейда произошел переворот: «Прошлое возникает снова», – пишет он Флиссу.

Он вновь открывает в себе детскую страсть по отношению к матери и враждебность по отношению к отцу.

Он выводит следующую формулу: не все взрослые – соблазнитель-перверты, а дети – не такие уж невинные создания, какими хотелось их считать.

Он оставляет свою «невротическую» теорию, в которой речь шла об опыте реальной травмы сексуального соблазнения, опыте, о котором он часто слышал от своих истерических пациенток.

Но это не значит, что случаи педофилии не происходят в реальности.

Описание эдипова комплекса появится в его работах значительно позднее.

Тем не менее в то время Фрейд делает не менее значимое открытие – открытие инфантильной сексуальности, которая вызвала общественное возмущение, он также открывает важную роль фантазмов, которые, с одной стороны, участвуют в создании психики, с другой – могут также стать причиной психических страданий и болезней.

Он также выстраивает теорию влечений, в которой влечение представлено как постоянный внутренний напор, который «соблазняет» и «совершает насилие» над Я.

Параллельно с этим он анализирует свои собственные сновидения и открывает «мышление сновидения» и его связь с истерическим мышлением.

Истерия и разница полов

Истерическая личность бросает вызов разнице полов, этот неразрешенный вопрос ставит в тупик и на психическом уровне вызывает постоянные сомнения и вопросы: кто я, мужчина или женщина?

Страстный поиск ответов на вопросы представлен в виде неразгаданной загадки о разнице полов и тайны сексуального желания генитального уровня.

У истерической личности появляется ощущение, что происходит что-то ускользающее от понимания, человек пытается уловить что-то, но не может наделить свое возбуждение смыслом, появляется болезненное чувство собственной исключенности, которое вызывает невыносимую ненависть к первосцене.

Мир разделяется не на женщин и мужчин, а на тех, кто обладает пенисом, и кто кастрирован, на обладающих властью и беспомощных, доминирующих и подчиняющихся, сильных и слабых.

Истерические защиты проявляются на уровне тела и выражают конфликт между сверхэротизированной инфантильной аутоэротической сексуальностью и контринвестированной ненавистной генитальной сексуальностью, в которой, как правило, присутствуют такие симптомы, как фригидность и торможение. Все догенитальные эрогенные зоны фаллицированы, в то время как генитальные эрогенные зоны ощущаются как несуществующие или подвержены действию цензуры.

Истерия и бисексуальность

Фантазм о бисексуальности у истерической личности свидетельствует о наличии идентификационных конфликтов с двумя участниками первосцены, первосцена при этом окрашена в фаллические прегенитальные тона и поэтому ощущается как невыносимая, ранящая и ненавистная.

Поскольку истеричка боится сексуального и ощущает ненависть к разнице полов и первосцене, она прибегает к помощи симптомов, которые

воплощают в себе или выводят на сцену проявления бисексуальности, которая является одновременно аутоэротической и защитной.

В своей статье «Истерические фантазмы и их отношение к бисексуальности» Фрейд описывает женщину, которая во время истерического приступа одной рукой срывает с себя одежду, а другой закрывает свое тело одеждой, сорванной ранее.

Она на уровне тела выражает борьбу между влечением и защитой от влечения, репрезентация сексуальной сцены, в которой участвуют два партнера противоположного пола, превращается в действие, кроме того, смысл этого действия – это постановка сцены травматического соблазнения взрослым ребенком.

В теле этой истерической женщины воплощаются одновременно и мужчина-агрессор, и изнасилованная женщина, неудача в сексуальных отношениях, желание неудовлетворенного желания, запретное эдипальное удовольствие, травматическое соблазнение и сексуальное насилие, исключенный третий или разделяющий третий, проявление инфантильных сексуальных первофантазмов и т. д.

Фантазм бисексуальности является продуктом сгущения фантазмов, поэтому он позволяет одновременно получать удовольствие от первосцены и атаковать ее.

Сексуальный объект, к которому этот фантазм вызывает и от которого он отказывается, может проявляться галлюцинаторно через внутренний эдипальный объект.

Ненавистная первосцена проявляется аутоэротически в собственном теле во время истерического приступа через имитацию сексуальных отношений между двумя партнерами, один из которых является фаллическим, а другой – кастрированным. Истерическая женщина «ищет хозяина, над которым она сможет властвовать», – говорил Лакан.

Если мужчина воспринимается как слишком могущественный, то есть как тот, кто злоупотребляет доверием, обманывает и кастрирует, то женщина выстраивает свой образ вокруг идеи о нанесенном ей ущербе, представляет себя жертвой, требующей возмездия.

И, напротив, если мужчина воспринимается как беспомощный, то есть кастрированный, женщина старается его исправить, «починить» или же играет роль мужчины для того, чтобы восстановить «трон и алтарь, которые оказались в опасности».

Кроме того, у нее может сохраняться иллюзия, что ее бисексуальные тенденции удовлетворены (и создавать у других подобное ощущение), в то время как на самом деле ранняя допубертатная оппозиция активного и пассивного проявляются у нее гораздо больше, чем дополняющее в дальнейшем эту оппозицию противопоставление мужского и женского, которое истеричка ненавидит и отказывается принимать.

Истеричка тем не менее не является бисексуальной. Она бросает вызов и нападает на разницу полов, используя бисексуальность. На самом деле истеричка является одновременно фаллической и кастрированной.

Это может, с одной стороны, сделать истерическую женщину крайне привлекательной для мужчин, с другой – мужчина может ощущать угрозу

для своей мужественности, вызывать раздражение и ненависть. Эта двойная природа истерии включает в себя цветущее пышным цветом нарциссическое соблазнение, которое, как считал Фрейд, присуще женщинам, кошкам и хищным животным.

Истеричка выводит на сцену свою псевдобисексуальность, защиту от травматического открытия разницы полов.

Она показывает таким образом свои проблемы, связанные с интроекцией структурирующей психику идентификации с объектом своего пола, а также проблемы во встраивании запрещающего инцест и защищающего Сверх-Я.

Постановка через действия спектакля бисексуальности является признаком того, что мы имеем дело с неудачей в интеграции психической бисексуальности, которая выстраивается на уровне пересекающихся идентификаций эдипова комплекса и которая позволяет освободиться от реальных первичных объектов и получить доступ к латентности, готовящей к эффекту последствия в подростковом возрасте.

Таким образом,отреагированная бисексуальность является защитой, с помощью отрицания и отказа сталкиваться с травматическим опытом принятия разницы полов в сексуальных отношениях генитального уровня.

Истерия и психосоматика

В случае истерии область телесного оказывается зачастую затронутой, могут появляться различные заболевания.

Конверсионные истерические симптомы могут принимать облик соматической болезни. Конверсия – это психический феномен, который использует телесные репрезентации, одалживает у тела его функции для того, чтобы символически выразить бессознательные конфликты, связанные с влечениями.

Истерические приступы являются проявлением проблем, связанных с либидо. В отличие от психосоматических болезней, истерические приступы имеют смысл.

С помощью психоаналитического метода свободных ассоциаций можно обнаружить сценарий, который разыгрывается, проследить символический и фантазматический путь, который проделывает симптом.

Истерический приступ – это «воплощение сновидения», говорит Фрейд, в нем можно обнаружить те же механизмы сгущения, смещения, символизацию и маскировку цензурой.

Нет симптомов – ключей к разгадке, как нет и ключей к разгадке сновидений. Симптом обладает индивидуальным смыслом для каждого субъекта.

Как и любой симптом, конверсия выражает одновременно желание и защиту, но на телесном уровне.

Соматизация может дойти до криза, приступа, развиваться в тяжелую необратимую болезнь с риском для жизни.

В то время как истерическая конверсия не является опасной для физического здоровья, она не приводит к болезням, ее симптомы обратимы.

Истерия и внушение

Истерия делает возможным существование всевозможных целителей, ясновидящих и альтернативной медицины, тех методов, которые основаны на внушении.

Гипноз – не современное изобретение, он относится к истории и истокам психоанализа, поскольку сам психоанализ зародился на почве неудачи гипноза.

Истерия в свое время, как и гипноз, была феноменом, который был «в моде».

Истерические симптомы видоизменяются под влиянием религии, общественных ожиданий, норм, вкусов, нравов и обычаев каждой эпохи.

Сейчас мы не так часто, как раньше, сталкиваемся с истерическими припадками, спазмами, конвульсиями, обмороками. Но мы можем задать вопрос: не является ли распространение среди подростков желания сменить пол, активно продвигаемое в соцсетях, истерическим заражением, инфекцией?

Конверсионная истерия не исчезла. Мы наблюдали ее проявления на протяжении всего двадцатого века и видим ее симптомы сейчас. Конверсионные симптомы не связаны только лишь культурными условиями, как часто принято считать.

Ситуации, когда женщины оказываются в заточении, психическое подавление, отказ от женского продолжают существовать в различных культурах (в семьях, тюрьмах, монастырях, на военной службе, в политических режимах, тоталитарных государствах, сектах и т. д.). Но при этом изменилось отношение к истерии, которая сейчас, в отличие от былых времен, не считается «одержимостью», а рассматривается как определенный вид психопатологии.

Часть третья Истерические отношения

В данном случае речь идет об истерическом способе выстраивания отношений с объектом и о психическом функционировании истерической личности, которые мы можем увидеть как в обыденной жизни, так и в терапии; мы имеем в виду способы сближения с объектом и бегство от объекта, поскольку он представляет собой место или экран для проекций возбуждения, связанного с влечениями.

В первую очередь следует уделить внимание двум теоретическим моделям, которые помогут нам лучше понять клинические аспекты истерических отношений с объектом:

– в первой модели З. Фрейд рассматривает противодействующее развитие либидо и защит Я, наличие этого непримиримого противоречия между либидо и защитами заставляет психический аппарат, который сталкивается с напором влечений, проделывать «психическую работу», поскольку возбуждение ставит его в затруднительное положение;

– вторая модель – это модель объектных отношений, очевидно, что влечение не может существовать без объекта, который пробуждает и проявляет влечение, являясь его связующим фактором.

При этом важно разделять, с одной стороны, объект влечения, который, как предполагается, обеспечивает удовлетворение и является, по словам Фрейда, случайным, несущественным, заменяемым, подвижным; это объект сексуального инвестирования с помощью частичных влечений, а с другой стороны, объект объектных отношений, который стремится к тому, чтобы стать постоянным, поскольку он соотносится с первичными объектами, с инвестированием целостного (тотального) объекта. Это объект потери, потеря этого объекта может привести к меланхолии, в этом случае Я может ампутировать часть себя для того, чтобы его заместить, поскольку этот объект является единственным и незаменимым.

Благодаря появлению теорий объектных отношений У. Биона и Д. Винникотта, в которых концепции Мелани Кляйн получили дальнейшее развитие, удалось расширить понимание функционирования пограничных, нарциссических, психосоматических структур, а также актуального невроза.

Тем не менее, если мы говорим о психоневрозах, важно также придерживаться теории влечений, судеб или перевоплощений влечений, понимать суть выстроившихся защитных механизмов. Этого подхода мы также придерживаемся для понимания истерии.

Истерические отношения, о которых мы сейчас говорим, находятся на линии-водоразделе между конверсионной истерией и фобическим неврозом.

В данном случае речь идет об определенной зоне тревожной истерии, мы можем дать такое определение, в которой тревога использует другие психические механизмы, отличающиеся от конверсии, где тревога связывается через телесный симптом, и отличающиеся от фобии, играющей роль контринвестирования, поскольку психика еще не способна использовать механизм смещения, как в фобии, в которой связываются репрезентации, замещающие вытесненную репрезентацию.

Мы можем здесь размышлять о парадоксе, как в метафоре рубина: здесь мы имеем дело с такой судьбой влечения, как защита против влечения, против сексуальности, которую несет в себе влечение.

Речь идет о хитрости, защитных маневрах Я, которое нападает на то, что на него нападает, атакует ненавидимое, незнакомое – возбуждение, связанное с влечениями.

Защита с помощью игры

Ведущая защита истерической личности – игра.

Игра для истерички – это способ приручить влечение, поскольку для нее влечение воспринимается как нечто опасное, а не как объект.

Защитные маневры истерической личности направлены на то, чтобы переместить опасность, идущую со стороны влечений, в пространство игры, которая может разворачиваться на разных территориях:

– это может быть собственное тело в виде конверсионных симптомов;
– это может быть другой человек, с которым устанавливаются истерические отношения;

– это могут быть замещающие репрезентации, смещенные и спроецированные вовне в виде фобий животных, различных объектов и ситуаций.

Если же используется сексуальное выражение и проявление влечений, это будет игра между жизнью и смертью, поскольку ею управляют необходимость в нарциссической целостности и борьба против депрессии.

Но прежде всего речь идет об эротической игре, цель которой – поиск половой идентичности и женского.

Поскольку истерия представляет собой невротическую репрезентацию женского и тайны женского, это является причиной того, что, когда мы говорим про истерию, мы ее соотносим в основном с женским полом. Но важно понимать, что «женское» и загадки женского могут проявляться также и в мужской истерии.

«Язык тела и аффекта» проявляется в истерических отношениях в виде использовании своего тела и своих аффективных реакций для того, чтобы выстроить пространство игры, в которое истерическая личность уводит своих партнеров.

У нее есть потребность создать театр для того, чтобы появилась возможность ставить драматические спектакли, разыгрывать в сценах свою тревогу, выставлять напоказ и доводить до предела свои аффекты, для того чтобы провоцировать и соблазнять партнера или публику. Драматизация – это попытка вынести наружу или справиться со слишком интенсивным переполняющим возбуждением.

Игра с тревогой: драматизация и преувеличенные эмоциональные реакции

В 1894 году в своей статье «Защитные психоневрозы, неврозы, психозы и перверсии» Фрейд рассматривает тревогу как феномен конверсии.

Позднее, в 1926 году, в статье «Торможение, симптом, тревога» он определяет аффект (его место и состояние) как эквивалент истерического припадка.

Играя с тревогой, истерическая личность поддерживает постоянное напряжение, провоцирует драмы, избегает падения (речь идет о подчинении мужчине в сексуальных отношениях) и снова возвращается в привычное состояние напряжения.

Она снова и снова разыгрывает страх, травматизм приходит извне, а напряжение от напора влечений разворачивается внутри, в психике, таким образом, драматизация направлена на отрицание внутреннего происхождения постоянного напора влечений.

Истерическая личность жаждет взглядов других и ловит реакции своего окружения и добивается внимания с помощью драматизации и жадности, ненасытности в отношении эмоций.

За счет формальной регрессии, замещения зрелых форм выражения более примитивными способами, истерическая личность проявляет

свои состояния тревоги, тоски, бессилия, незрелости, перевозбуждения. Она снова и снова повторяет травматические ситуации, воздействуя на свое окружение, для того чтобы совладать с травмой и, занимая активную позицию, не позволить другому застать себя врасплох. Она создает свой собственный театр, чтобы там бесконечно «репетировать».

Начиная с 1920 года, в частности в статье «По ту сторону принципа удовольствия», Фрейд связывает проблематику повторения с компульсивным повторением. Он связывает нехватку удовлетворения или удовлетворение, которого никогда не было, с напрасным ожиданием и разочарованием.

Для того чтобы понять смысл этого повторения опыта неудовлетворения, Фрейд выделяет три гипотезы:

- субъект мстит другому, заставляя его переживать то, что пережил в свое время сам;
- субъект пытается связать и ретроактивно совладать с возбуждением, которое в свое время «взломало» Я, через повторение опыта, который вызывает тревогу, но тем самым готовит к появлению потенциального травматического события;
- субъект пытается аннулировать травматический опыт или «дополнить пассивный опыт активным поведением».

Фрейд, описывая детскую игру, известную игру «в катушку» своего внука, говорит: «Во время игры ребенок переходит от пассивного опыта к активному, он навязывает своему товарищу по игре опыт неудовольствия, который он сам пережил, и таким образом мстит за себя, навязывая этот опыт человеку, который его заменяет».

Именно это проделывает истерическая личность со своими партнерами – «товарищами по игре».

В данном случае повторяется опыт травматического взлома Я напором влечений через реактивацию опыта, связанного с пассивностью, когда травматический опыт – агрессия или напрасное ожидание – был неожиданным, застал врасплох. Травматический опыт воспроизводится для того, чтобы его аннулировать или дополнить.

В статье 1926 года «Торможение, симптом, тревога» Фрейд вводит вторую теорию тревоги, согласно которой тревога является сигналом, который производит Я, тревога является одновременно ожиданием и повторением травмы в смягченном виде, представляет собой прививку от травмы и одновременно активное замещение травмы или опасности со стороны влечений внешней ситуацией, внешней опасностью, от которой субъект может защититься.

Подобные ощущения набирают силу и превращаются в кастрационную тревогу, которая позволяет сфокусировать тревогу и запускает процесс вытеснения.

У истерической личности тревога развивается, усиливается, и нет эффективного сигнала для того, чтобы остановить истерический приступ.

Можно сказать, что истерическая личность играет, чтобы испугать себя, поддерживая и усиливая эротизацию опасности, играет с тревогой, как внук Фрейда играл с катушкой, это ее единственный способ сохранить

желание под напряжением. Для того чтобы таким образом играть с целью контроля и овладения желанием, истерической личности нужно использовать свое тело и взгляд другого.

Она навязывает другому роль агрессора, разыгрывая в свою очередь роль жертвы, рассказывает о том, что другой с ней сделал, помещает свое влечение в другого, делая другого ответственным за свои влечения, заставляя объект их ощущать, переживать и брать на себя ответственность за тот опыт, который она испытала сама.

Игра соблазнения: ребенок соблазняет взрослого

В своих работах, посвященных исследованию истерии, Фрейд показывает теснейшую взаимосвязь соблазнения и травматизма. Но по мере того, как Фрейд начал отказываться от своей «невротики», он выделил более общий, генерализованный эффект соблазнения, проявляющийся в форме нарастания возбуждения, этот эффект может быть связан как с воздействием фантазма, источника внутреннего возбуждения, так и с внешним источником возбуждения, который реактивирует и запускает бессознательный сценарий.

У истерической личности мы понимаем игру соблазнения как двойной трюк, двойной смысл слова, скрытый смысл этой игры – выставить себя напоказ, одновременно используя защитную стратегию – защиту против эротического и против депрессии.

Истерическая личность пытается использовать внешнее, проецируя на внешний объект свои внутренние процессы, атаки влечений, одновременно питающие Я и его взламывающие.

Поэтому истерическая личность разыгрывает на сцене первофантазм соблазнения ребенка взрослым, используя двойной оборот влечений.

Она представляет себя ребенком, который соблазняет взрослого для того, чтобы защититься от травматизма со стороны влечений, которые взламывают и нарушают целостность ее Я.

Она возбуждает другого своим соблазнением, провоцирует вторжение влечений, которые теперь она может контролировать.

Речь идет о возвращении в состояние «невинности» инфантильной сексуальности, поднятие на поверхность этой «невинности» лежит в основе травматизма.

Сексуальный смысл обнаруживается в результате эффекта последствия в подростковом возрасте, угроза приходит изнутри, появление «внутреннего незнакомого тела» оказывает на психику дезорганизующий эффект, поскольку психика не способна пока его контейнировать, избавиться от него через разрядку или создать его репрезентацию.

Взрослая истерическая личность отрицает или отказывается признавать эффект подросткового последствия, который превратил ее в место проявления ненавидимого сексуального возбуждения, истеричка не переходит на следующий этап развития психосексуальности, остается в пространстве между первой и второй фазой, сохраняя свою невинность в промежуточном пространстве «сексуального – предсексуального»,

в терминах Фрейда. Она хочет быть травмированной сексуальностью, которую она размещает снаружи, которая еще не обрела смысла. Она должна обвинять другого, соблазнителя, в наличии сексуальности. Она проецирует свою сексуальность на другого, в тело другого, соблазняя его и вызывая его желание.

Таким способом через другого она может ощутить этот опыт, который воспринимается как неожиданное нападение или изнасилование.

Находясь под защитой вытеснения, истеричка ощущает себя невинной и соблазняет другого, как ребенок соблазняет взрослого, она обращает себе на пользу «смещение языков» нежности и страсти и считает себя жертвой этого смещения.

Таким образом, что бы ни сделал объект, истеричка будет разочарована: «Если ты меня любишь, значит, ты меня не желаешь. Если ты меня желаешь, значит, ты меня не любишь».

Разочарование – высшая цель соблазнения.

Игра ревности: «он бежит, он бежит, хорек, хорек из леса»

Пара соблазнение – разочарование соотносится с другой парой – реальной родительской парой, «виновницей возбуждения», по словам Фрейда.

Родительская пара – источник эдипального разочарования и результат последствия более раннего инвестирования родительской пары, когда мать оставляла младенца для того, чтобы вернуться к роли любовницы в отношениях с мужем.

Мать – первая соблазнительница, она соблазняет ребенка в процессе ухода за его телом, во время ее отсутствия ребенок испытывает в своем теле сильнейшее возбуждение, которое он не может связать самостоятельно и может его контринвестировать только с помощью матери.

Источники травматизма в первичных отношениях – слишком много возбуждения и одновременно с этим нарушения в барьере против возбуждения.

В результате мы имеем дело с неудачными попытками матери облечь в форму репрезентации возбуждение, вызванное ее отсутствием и нехваткой. Можно ли сказать, что эта неудача лежит в основе острых и противоречивых эмоций истерички? Дефицитарность фаллической функции отца является еще одной причиной.

Фантазм первосцены обладает травматическим потенциалом.

У истерички сексуальность вновь пробуждается через эффект последствия, но вместе с сексуальностью пробуждается также разочарование, страдания, связанные с потерей объекта, одиночество, поэтому она будет делать все возможное для того, чтобы разлучить пару, поскольку для нее встреча с сексуальностью всегда должна стать неудачей. Она должна соблазнить одного, соблазнить другую, играть одним против другого.

Такой вид эротизированной агрессии позволяет постоянно поддерживать сексуальное напряжение между партнерами ненавидимой первосцены, которую ребенок таким образом пытается контролировать.

Если игра в ревность терпит неудачу, истеричка чувствует себя обманутой. Если она не может оставаться больше в сексуальной системе пары, она ощущает себя бесполой и никому не нужной.

Таким образом она терпит неудачу в попытке заполнить пустоту и справиться с неопределенностью своей половой идентичности.

Риск истерички – риск потери объекта.

Депрессия является признаком того, что истерические защиты потерпели неудачу и не обеспечивают больше совместное либидинальное возбуждение.

Она вновь оказывается в состоянии депрессии, которую ощущает покинутый ребенок, переполненный непереработанным возбуждением.

По этой причине истерическая личность испытывает потребность снова играть в привычные игры ревности, чтобы реанимировать желание. И для того, чтобы жить...

Часть четвертая. Истерия и женское

Истерия во все времена бросала вызов медицине и общественному порядку, поскольку затрагивала тему сексуальности и в особенности – женскую сексуальность и женское желание сексуального наслаждения – то, что сложнее всего принять и признать.

Истерическая женщина выставляет напоказ, что ее тело и ее Я открыто для принятия большого количества либидо, она также открыто проявляет свой поиск сексуального наслаждения, желание падения и сопротивление против собственного желания падения.

Истерический приступ – это одновременно поиск женского и «отказ от женского». Точнее сказать, это страх или тревога женского, которые приводят к отказу от женского, страх постоянного напора либидо и силы его воздействия на Я, а также страх большого количества либидо, которое необходимо женскому полу.

Истерический приступ – это либидо, находящееся в кризисе, и женское, находящееся в кризисе.

Драматизация, постоянная эротизация, игра с тревогой, соблазнение и ревность привели к несколько пренебрежительному определению женского, которое воспринимается как что-то несдержанное, склонное к крайностям, плохо организованное, управляемое сексуальностью и эмоциями.

Эти характеристики отсылают к загадке женственности, обычно скрытой и обнаруживающейся только через негативные проявления.

Когда человек чрезмерно или недостаточно проявляет черты, присущие в норме его полу, он превращается в карикатуру женщины или мужчины – чересчур женщина или недостаточно женщина, женщина-мужчина, на женщину могут наклеить ярлык «истерички», чтобы дать определение ее поведению, претендующее на медицинское.

Разница полов

Важно подчеркнуть, что истерия – это вопрос не женского и не мужского, это вопрос отношений между женским и мужским, вопрос разницы полов, вопрос ненавидимой первосцены и ненавидимых гетеросексуальных сексуальных отношений.

Отказ от женского у женщины проявляется в виде симптомов, в виде конфликта между желанием отношений подчинения мужскому и отказом от этих отношений, отказ от женского у мужчины проявляется в виде отказа от идентификаций с женским материнским или женским сексуальным (речь идет о женском сексуальном женщины в сексуальных отношениях).

Истерия не имеет пола, она не является ни женской, ни мужской, поскольку выстраивается на фундаменте сложного опыта признания разницы полов, необходимости интегрировать женский половой орган, который может определиться только как отсутствие полового органа или «кастрированный» мужской половой орган.

Истерия и у женщины, и у мужчины представляет собой острую форму конфликта разницы полов – конфликта, который женское заставляет принять и разрешить.

Истерические приступы у мужчины являются признаком конфликта женской идентификации, то есть идентификации с женщиной или с матерью, который невозможно разрешить, используя только психический способ.

Таким образом, не существует мужской истерии, но существует истерия у мужчины.

Истерическое у женщины проявляется в виде способности женского тела принимать большое количество либидо, в виде поиска наслаждения, желания падения и сопротивления желанию падения.

Истерических женщин сажали под замок, поскольку они внушали страх, очаровывали и шокировали тем, что выставляли напоказ сексуальное и женское в крайней степени их проявления.

Свои представления истеричка разыгрывала главным образом для мужчин, этот процесс Фрейд в свое время определил как «перенос». Симптомы представляли собой одновременно брошенный вызов и потребность в разоблачении, возбуждали желание найти ответы, страсть к исследованию и расследованию, которая зачастую подпитывалась изощренным садизмом.

Женские эротические мазохистические фантазмы, как я их определяю, у истерических женщин превращаются в моральный мазохизм. Под воздействием отказа от женского или ненависти к женскому истерички используют свои симптомы и манипулируют другими с помощью своих симптомов.

Экзорцизм, казнь, тюрьма, опыты и эксперименты сменяли друг друга на протяжении веков.

Истерия и сейчас продолжает волновать, вызывает интерес и отторжение. И подавление. Подавление постоянного напора сексуальных влечений. Подавление «женского» и присущего ему большого количества либидо.

Фаллические защиты

Истерия обретает смысл только в отношении фаллической позиции к женскому и в отношении отказа от женского. Эротическая игра направлена на поиск половой идентичности.

Истерия – это невротический вариант ответа на вопрос о разнице полов и невротический способ разгадать загадку женского.

Это фаллическая защита Я, которую истерическая личность сверхинвестирует для того, чтобы защититься от опыта, связанного с открытием разницы полов, пропитанного ненавистью к первосцене.

Фаллические защиты появляются как реакция на открытие разницы полов для того, чтобы одновременно попытаться понять эту тайну и ее атаковать. Сексуальные отношения контринвестируются через проявление трех первофантазмов, которые окрашены в тона инфантильной сексуальности: садистическая первосцена, травматическое соблазнение ребенка взрослым, злоупотребляющим доверием, фантазм о кастрации, который проявляется как страх во время полового акта.

Тревожный поиск разгадки тайны женского объясняет очень сильный интерес истерических женщин по отношению к женщинам, которые представляют собой идеал женственности, объект желаний, такие женщины зачаровывают истеричек, которые пытаются с их помощью понять, что в них вызывает желание.

К кому можно обратиться за помощью? Кто окажется способным раскрыть тайну желаний и любви?

Истерическая женщина колеблется между различными способами инвестирования и между идентификациями любви и ненависти по отношению к женщинам, а также по отношению к мужчинам, которые представляют собой фигуру отца, учителя.

Истерическая женщина пытается с помощью женщин доказать бессилие фаллического и определить себя как женщину.

Она использует соблазнение и различные трюки как фаллическое оружие, для того чтобы скорее контринвестировать свое женское, свое внутреннее. Женственность – это тело, женское – это плоть, чувственность, наслаждение.

Отказ от женского у обоих полов проявляется в виде таких клинических симптомов, как фригидность. Кастрационная тревога мальчика у истерического мужчины превращается в отказ от идентификации с материнским или женским сексуальным матери, кастрированным и опасным.

У женщины отказ от женского проявляется в виде кастрационной тревоги, которая реализуется во время пенетрации в виде инцестуозной тревоги потери Я во время сексуального наслаждения.

Зависть к пенису у девочки, ее страстные отношения с матерью становятся причиной отказа от пенетрации у взрослой истерической женщины, поскольку пенетрация мужчины пропитана фантазмами догенитального внедрения, насилия, разрушения внутренних органов, страха распада Я во время оргазма или бесконечного наслаждения, то есть страха сойти с ума.

Истерическая женщина предлагает себя, но не отдается, она превращает другого в бессильного и запрещающего.

Истерическая женщина не может подчиниться ни постоянному напору влечений, ни либидинальному доминированию любовника, дающего наслаждение, поскольку воспринимает мужчину как абьюзера, который стремится ее подчинить, унижить и кастрировать.

Неудовлетворение является гарантом неприкосновенности основы ее существования. Она защищает себя, превращаясь либо в жертву, инвестируя таким образом моральный мазохизм, либо в палача, который кастрирует.

Фригидность проявляется в виде таких слов: «Ты ничего у меня не вырвешь», истерическая женщина может превратить свой оргазм в оружие: «Ты не способен его у меня вызвать!»

Таким образом, истерическая женщина инвестирует «отрывание», которое приравнивается к кастрации.

Она использует свою «женственность» – военный парад, маневры и соблазнение – либо для того, чтобы спровоцировать мужчину, либо для того, чтобы защитить его от своей кастрационной тревоги, и особенно для того, чтобы контринвестировать свое «женское», свое внутреннее.

Не проделанная работа по принятию разницы полов наделяет мужской пенис всемогуществом опасной фаллической матери.

У обоих полов присутствует глубинный ужас, связанный с близостью материнского полового органа, из которого и мужчины, и женщины появились на свет.

Жадность напора влечений, который никогда невозможно удовлетворить, не может не вызывать страха, поскольку отсылает к опыту поглощения, слияния с материнским телом, объектом ужаса и потерянного рая первичного нарциссизма, временем слияния и путаницы между Я и объектом.

Именно эти процессы являются причиной ужаса, который истерическая женщина испытывает по отношению к сексуальному наслаждению, которое, как уточняет Фрейд, заставляет преодолеть воздействие репрезентации инцеста с матерью и сестрой.

Инцест матери и дочери – основной гомосексуальный фантазм.

«Желание неудовлетворенного желания»

Истерия через свое «желание неудовлетворенного желания» располагается рядом с областью влечений. В отличие от потребности, которая может быть удовлетворена с помощью определенных действий, влечение не знает, что такое удовлетворение.

Истерические приступы и особенности истерических отношений располагаются на пути, который проходит влечение, в точке, где галлюцинаторное удовлетворение желания и аутоэротическое выражаются, используя тело, и где преобладает не потребность в объекте удовлетворения, а поиск психического экстаза влечений.

Истеричка во время истерического приступа через преувеличение ревности и соблазнения отдается галлюцинаторному объекту, при этом желание обостряется из-за дефицитарности аутоэротических способов.

Истеричка инвестирует неудовлетворение, то есть влечение, желание, а не возбуждение и связанную с ним потребность, которая ожидает удовлетворения.

Повторение опыта неудовлетворения имеет отношение к эротическому языку истерички.

Топическая оральная регрессия представляет собой желание, которое не может и не должно быть удовлетворено, поскольку получение удовлетворения в воображении соотносится с представлением о том, что опыт насыщения и удовлетворения сотрет и уничтожит желание и напряжение.

Истеричка в такой степени окрашивает свое Я и свои защиты в тона влечения, что не может позволить своему Я объявить себя «получившим удовлетворение».

Неистерическое Я определяет себя как удовлетворенное в сексуальных отношениях, в отношениях с объектом любви и сублимации.

Разрыв между устранимым и неизбежным, между удовлетворением и попыткой удовлетворения, между потребностью и влечением является признаком потребности в проделывании психической работы.

Истеричка поддерживает свое желание в неудовлетворенном виде, испытывает бесконечное разочарование в себе, которое она активно и враждебно обращает на своего партнера, отказываясь от своего желания.

Она, таким образом, наслаждается вдвойне неудовлетворенным желанием – своим и объекта.

Это «желание неудовлетворенного желания» имеет цель – нападение на первосцену, объект зависти и ненависти.

Любая встреча с сексуальностью всегда должна закончиться неудачей, никакой объект не может стать объектом удовлетворения.

Истерический мазохизм

Инвестируя функцию неудовлетворения Я или желание неудовлетворенного желания, истеричка инвестирует таким образом свой мазохизм.

Истерички с конверсионной истерией, фригидные и требующие наслаждения, становятся невыносимыми, непристойными, поскольку они выставляют напоказ свой необузданный мазохизм, проявляющийся в виде симптомов, источник одновременного наслаждения и страдания.

Они воплощают в себе «загадку» и «соблазн мазохизма».

Они вызывают страх и отторжение, поскольку с помощью тела выставляют напоказ свой внутренний театр – борьбу между женским сексуальным и социальными или медицинскими правилами.

Истеричек сажали под замок, потому что они вызывали страх, восхищали и шокировали, выставляя напоказ сексуальное и женское в максимально преувеличенном виде.

На самом деле самым шокирующим, неприличным для Я является состояние наслаждения.

Именно это послание передает истерическая женщина.

Опора истерической женщины проявляется в виде того, что она временно предлагает себя для пенетрации и отказывается от нее, она ее хочет и не хочет, она хочет, чтобы ее взяли силой, заставили, но мужчина, под влиянием страха женского, отступает на позиции науки, морали и религии.

И при этом мужчина ее пытается, запирает. Истерическое задевает мужское бессилие.

Истерический спектакль адресован мужчинам, этот процесс Фрейд называет «переносом».

И поскольку мужчины давали истеричкам только медицинский ответ, они ощущали себя непонятыми, неуслышанными, что становилось причиной медицинских неудач.

Истерические женщины проявляли также моральный мазохизм, который представляет собой ненависть к женскому, поскольку в ответ на свое провокативное сексуальное поведение они получали отвержение, презрение и наказание в качестве ответной меры.

Они выставляют напоказ свое женское, при этом полностью от него отказываясь. Они плохо с собой обращаются и делают так, чтобы другие тоже плохо с ними обращались.

Они хотят получить мазохизм наслаждения, но чаще всего получают в ответ моральный мазохизм.

Тревога превращается в страх, который приводит к отказу от женского и подавлению женского.

Поэтому многие истерички на протяжении веков становились жертвами экзорцистов – «контролеров матки». Из-за склонности к истерическим приступам женщины часто оказывались взаперти – в различных социальных и религиозных учреждениях, в семье, где любые проявления или использование сексуальности подавлялись.

Тем не менее можно сказать, что ядро первичного эрогенного мазохизма у истеричек функционирует, поскольку регрессия не доходит до повреждения тела, которое присутствует в случае так называемых психосоматических заболеваний. Истерический приступ остается в области психического, даже если при этом используется тело, «телесное Я», как его называл Фрейд.

Заключение и перенос

Отсутствие органического поражения во всех телесных симптомах и их загадочное исчезновение, не оставляющее следов, являются феноменом конверсионной истерии, представляющий собой провокацию и вызов для медицинской науки.

Истерички часто вызывают в свой адрес раздражение, обвинения в симуляции, отвержение и наказание.

Во время аналитической встречи истеричка рассказывает о себе, она настойчиво и быстро добивается контрпереноса аналитика, скорее используя механизмы вытеснения, чем признания, которое она вызывает в нас.

Таким образом, она может вызвать в контрпереносе чувство раздражения.

Тем не менее аналитический кадр является оптимальным пространством для постановки истерических сцен и игры влечений, поскольку внутри кадра происходят высвобождение и выход на поверхность влечений и связанных с ними запретов на их проявление и реализацию.

В процессе лечения происходит «истеризация переноса» в хорошем смысле этого слова, поскольку хорошие истерические качества в виде способности открыться навстречу неизвестному, появившиеся благодаря анализу, необходимы для того, чтобы репрезентации влечений были приняты и признаны.

Истерия, как и парабола рубина, представляет собой игру цвета в либидо – соблазнение, аффективную теплоту, жизненные силы, любовь.

Даже если конверсия перестала быть основной психопатологической парадигмой, она все равно остается фундаментом психической организации человека, базовым неврозом.

Человеческая сексуальность обладает истерической структурой.

Все люди сталкиваются с кастрационной тревогой, соматическими заболеваниями, истерией и отказом от женского, который дремлет в каждом из нас.

Hysteria

Jacqueline Schaffer

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Jacqueline Schaffer, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association (IPA), titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, winner of the Maurice Bouve Psychoanalytic Prize (1987).

According to Jacqueline Schaeffer, hysteria cannot be understood and interpreted without taking into account the theory of libido. In addition, it is impossible to speak of a conversion symptom or hysteria without recourse to the theory of psychopathology, which makes it possible to comprehend the material of observation. Nor can one be satisfied with a mere clinical description.

Starting with Freud, madame Schaffer develops her personal theory of libido to explain hysteria and construction of the feminine. According to Jacqueline Schaeffer, that's just the conversion hysteria "underlies the discovery of psychoanalysis as a method of psychopathological understanding and treatment".

Keywords: hysteria, libido theory, hysterical identification, projective identification, gender difference, phallic defenses, masochism.